

**ДЕТЕКТИВ-
РУЛЕТКА**

**ОЛЬГА
БАСКОВА**

**БЛИЗНЕЦЫ
ПО НЕСЧАСТЬЮ**

Ольга Баскова

Близнецы по несчастью

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440165

Близнецы по несчастью: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45794-6

Аннотация

Никиту, коллегу знаменитой журналистки Кати Зориной, снедает честолюбие. Ему тоже хочется добиться высот в профессии. Наконец настает его звездный час – в редакцию приходит письмо с просьбой опровергнуть обвинение в предательстве, прозвучавшее в СМИ в адрес ветерана войны Прохоренко... Никита жаждет самостоятельно провести первое журналистское расследование. Не поставив никого в известность, он берет отпуск за свой счет и отправляется на место давних событий. Скоро он понимает: успех в этом темном деле придет к нему лишь ценою жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Баскова

Близнецы по несчастью

Глава 1

История, заставившая меня поволноваться и пересмотреть взгляды на жизнь, случилась в августе. Признаться, я давно ожидал, что нечто произойдет со мной и даст хороший толчок моей остановившейся карьере. Два года я корпел в редакции «Вестей Приреченска» в отделе писем, считая: фортуна обошла меня вниманием. Ну посудите сами: как может выдвинуться никому не известный молодой журналист без связей, прозябающий в таком неперспективном месте? Моей ровеснице Катюхе Зориной, с которой мы вместе учились в университете на факультете журналистики, кстати, на дневном отделении, повезло куда больше.

Однажды в конце августа я задержался в редакции дольше обычного. Мать попросила навестить свою сестру, мою тетку, жившую неподалеку от моего места работы. Я тут же созвонился с тетей Валею, и она милостиво разрешила прийти в семь часов. Мой рабочий день кончался в пять. Ехать домой в другой конец города бессмысленно. Я решил задержаться. Чтобы потом, как говорится, не приходя в сознание, отправиться к любимой родственнице. Бросая взгляды на

старинные стенные часы, висевшие напротив моего стола, я вскрывал конверты, механически просматривая письма. Все они содержали уже изрядно надоевшие жалобы на неоправданно высокие цены за коммунальные услуги – документы местного значения, на которые, по сути, не стоило тратить времени.

Лишь один адрес на конверте привлек мое внимание. Город Южноморск, Крым. Вот те на! Кому из жителей солнечного полуострова понадобилось писать в редакцию «Вестей Приреченска»? И зачем? Не знаю почему, но мои ладони сразу вспотели. Ножичком для разрезания бумаги я осторожно вскрыл конверт.

На вырванном из тетради листке твердым почерком было написано: «Уважаемый редактор! Наверное, вы удивитесь, увидев мое письмо, но если внимательно его прочтете, поймете: у меня не было выхода. На старости лет я сделался изгоем не только в собственном городе, но и в городах, где меня хорошо знали и считали героем. Впрочем, обо всем по порядку.

В 1941 году мне исполнилось шестнадцать. Вы помните, каким событием ознаменовалась эта дата? Я и мои родители не успели эвакуироваться из Южноморска и остались в оккупированном Крыму. Вскоре я узнал: подобная участь постигла еще двенадцать моих одноклассников. Так получилось потому, что наши семьи до самого последнего дня не верили, что фашисты войдут в наш город. Мы ошиблись.

Весной я услышал от ребят, что наш классный руководитель, учитель истории Вячеслав Петрович Котиков, дезертировал с фронта и сотрудничает с немцами. Позже выяснилось – это не так, на самом деле он бежал из плена. Опуская некоторые подробности, которые расскажу при встрече, если вы заинтересуетесь моим письмом, продолжу. Котиков предложил создать в Южноморске подпольную молодежную организацию. Чем она занималась? Пускала под откос вражеские поезда, вешала предателей, устраивала разного рода диверсии. Кроме того, мы наладили связь с партизанскими отрядами, действовавшими в горных районах.

В тот роковой день Котиков отправил меня за линию фронта. Вернувшись, я узнал страшную новость: кто-то выдал нас фашистам, и те, подвергнув моих товарищей жестоким пыткам, всех приговорили к расстрелу и в тот же вечер привели приговор в исполнение. Должен заметить, мы не раз говорили с Котиковым о стукаче в организации. Многие мероприятия, тщательно разработанные и подготовленные, срывались: каким-то образом о них узнавали немцы или полицаи. Представляете, моих товарищей расстреляли, когда до освобождения Крыма оставалось всего три дня! Все это время я находился в отряде лейтенанта Санникова, думая, что из всех подпольщиков уцелел один. Однако вскоре до меня дошла радостная весть: спаслось еще четыре человека. Владимир Коротков, с которым мы оба были отправлены командиром из Южноморска и расстались, решив направить-

ся в разные стороны, Таня Снежкова и Ярослав Черных в тот роковой день отсутствовали и потому избежали страшной участи. О том, что в живых осталась и Света Фадеева, я узнал в далеком Кенигсберге.

Разумеется, мы с Владимиром и Ярославом не покинули ряды Красной Армии, участвовали в освобождении родного города. Судьба хранила нас. Коротков дошел до Берлина, Черных – до Таллина, я – до Кенигсберга. Именно там и произошла памятная встреча со Светланой, работавшей медсестрой в госпитале. Услышав ее рассказ, я чуть не лишился чувств. Она оказалась вместе с остальными в застенках гестапо. Девушку пытали, а затем расстреляли в числе других. К счастью, Свету только ранили. На подступах к Крыму уже шли бои, и гитлеровцы, торопливо засыпав тела землей, скрылись, не проверив качество своей черной работы. Вот почему Фадеева не задохнулась. Придя в себя, она вылезла из рва и, еле держась на ногах, побрела к нашей учительнице биологии, жившей неподалеку от места трагедии. Та, промыв бедняжке раны, спрятала ее до прихода наших солдат. Встретив освободителей и подлечившись (ранена она была легко), Света попросилась медсестрой в один из пехотных полков и дошла до Кенигсберга. Жаль, что наша с ней встреча оказалась последней. Эта отважная девушка больше никогда не давала о себе знать.

С Таней, Володей и Славой мы постоянно поддерживали отношения: регулярно переписывались, ездили на чествова-

ние ветеранов Великой Отечественной войны в Крым, а на старости лет и вовсе перебрались в родные края. Следы же Светы затерялись. Никто из нас ее не встречал и ничего о ней не слышал.

Теперь я перехожу непосредственно к тому, из-за чего пришлось вас потревожить. Год назад в нашей местной газете ко Дню Победы напечатали большую статью, посвященную нашей подпольной организации. Начав читать с благоговением, через минуту я покрылся холодным потом. Некто Б. Игнатъев нагло утверждал: предателем, виновным в гибели подпольщиков, являюсь именно я. Автор привел веские, как ему казалось, аргументы. Проведя журналистское расследование, он якобы точно это выяснил. Свету расстреляли вместе со всеми, лишь чудо спасло ей жизнь. Таня, Володя и Слава действительно отсутствовали по веским причинам: девушка бегала к родственникам в деревню Соколовку, откуда всегда приносила свежий творог и молоко, Володю Котиков отправил за линию фронта, Славу – в соседний партизанский отряд. Наши войска подходили к Южноморску, и командир надеялся на помощь: видно, какое-то шестое чувство подсказывало, что всем грозит гибель.

По мнению ушедшего журналиста, один я шлялся неизвестно где. «Он говорит, что ходил за линию фронта, – с гневом писал Игнатъев, – однако при проверке выяснилось, что этого никто не может подтвердить».

Клянусь вам, я действительно выполнял задание и влился

в отряд лейтенанта Санникова. Уважаемый редактор, я прошу, умоляю: помогите мне восстановить доброе имя. Разумеется, я мог бы и сам, однако возраст и силы уже не те. Это во-первых. Во-вторых, по неизвестной причине мои друзья, с которыми съедено столько пудов соли, отказываются со мной общаться. И Татьяна, и Владимир, и Ярослав не желают объяснить, что произошло. Причины мне до сих пор неясны. Неужели и они уверились в моей подлости?

Мне хотелось бы, чтобы вы разыскали Светлану. В детстве мы с ней были соседями, дружили, и если она жива, то, думаю, поможет вам. С уважением, Григорий Иванович Прохоренко».

Дальше ветеран сообщал два адреса и два телефона. Первые были почему-то приреченские. Я почесал затылок. С одной стороны, ужасно не хотелось никуда тащиться в такую жару, даже в Крым. С другой – какое-то шестое чувство подсказывало: «Это твой шанс, дружок. Можно сделать убойный материал. События Великой Отечественной войны до сих пор интересуют всех, и твоя статья не останется без внимания». Короче, второе перевесило, и я начал набрасывать план действий, так увлекшись, что из головы начисто вылетело посещение тетки.

На следующий день я был на рабочем месте ни свет ни заря, зная: пожилые люди рано встают, днем обязательно совершают прогулки и рано ложатся спать. Вот почему уже в девять я набирал номер телефона Прохоренко. Он словно

ждал звонка. Чуть дребезжащий голос бодро ответил:

– У аппарата.

– Здравствуйте, – я старался говорить как можно мягче, – вам звонят из редакции «Вестей Приреченска». Мы получили ваше письмо.

Григорий Иванович вздохнул:

– Да.

– Кстати, что заставило вас обратиться именно в наш город и нашу газету?

Ветеран усмехнулся:

– В вашем городе живет дочь моей родной сестры, которая ни на секунду не поверила клевете. Она и посоветовала: «Дядя Гриша, в нашей газете работает одна журналистка по фамилии Зорина. Распутывала такие истории, что твоя по сравнению с ними просто жалкая выдумка. Кстати, она еще никому не отказывала в помощи. Кроме того, я буду интересоваться, как идут дела». Это первое. Второе: я буду гостить у нее до конца лета». Разумно?

Я почувствовал комок в горле. Только бы старик не потребовал Катерину! Тогда горел синим пламенем мой сенсационный материал.

– Разумно, – я постарался ответить как можно спокойнее. – Есть, правда, одно «но»: Зорина в длительной командировке. Заняться вами попросили меня.

Прохоренко, похоже, не возражал.

– Хорошо.

– Думаю, нам необходимо встретиться, – я боялся, что он откажет. – Когда мне подъехать?

– Такие дела не откладываются, – назидательно заметил Григорий Иванович. – Я начинаю ждать вас с этой секунды.

Я удовлетворенно кивнул:

– Бегу.

Схватив со стола папку из натуральной кожи – подарок якутских коллег ко дню рождения, – я помчался как ветер, чуть не сбив на лестничной клетке Катю Зорину.

– Сумасшедший, – пошатнувшись, она отступила к стене, – куда несешься?

Вот тогда-то мне и следовало все ей рассказать. На журналистских расследованиях Катерина съела собаку, и вдвоем мы бы составили сильный тандем. Однако я не желал ни с кем делиться. Дама уже купалась в славе, в отличие от меня.

– Дела, дорогая, – шепнул ей я, остановившись на секунду, – потом расскажу.

– Ну зайди как-нибудь.

Плавной походкой королевы она продолжила путь. Я же, примчавшись на остановку, с трудом втиснулся в подошедший автобус. Дом автора письма был чертовски далеко. Два автобуса, трамвай и троллейбус – и все приходилось штурмовать. Впрочем, меня это разозлило, но не испугало. Я давно понял: в жизни ничего не преподносится на блюде с голубой каемочкой.

К одиннадцати часам, проклиная всех и вся, я добрался до

многоэтажки, стоявшей как столб посреди пустыря. Данный строительный проект просто поражал полным отсутствием логики. Мрачные своды коридоров, переплетенных в причудливом лабиринте, наверняка хранили преступные истории. Квартиры здесь стоили очень дешево. Жить в таком доме я бы не рекомендовал никому, особенно женщинам. Представив, как девушки, сутулясь, шаг за шагом преодолевают метры темноты, я вытер холодный пот. Тем не менее, постаравшись переключиться на будущую работу, я поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру номер восемь. За дверь послышались торопливые шаги.

– Иду, иду!

Высокий худой старик возник на пороге через секунду:

– Вы журналист? Заходите.

Я представился. Он протянул мне морщинистую коричневую руку с узловатыми пальцами.

– Очень приятно. Тронут, что моим письмом так быстро заинтересовались.

Обняв меня за плечи, Прохоренко подтолкнул в гостиную с круглым столом и небольшим диваном.

– Присаживайтесь, где вам удобно. Может быть, чайку?

Мысль о горячем вызвала тошноту.

– Спасибо, нет, – выдавил я, – а чего-нибудь холодненького не найдется?

Юркнув на кухню, Григорий Иванович через минуту вернулся с бутылкой минеральной и высоким стаканом.

– Пейте, пожалуйста.

– Спасибо.

Водичка была такой холодной, что стакан моментально запотел. Я жадно начал пить. Старик с улыбкой смотрел на меня, вероятно, оценивая, справлюсь ли я с поставленной задачей.

– Вы больше ничего не хотите добавить к написанному? – я отставил бутылку. Лицо ветерана омрачилось.

– Не знаю даже, как сказать, – жилистой рукой он коснулся лба. – Но, пожалуй, кое о чем надо поведать. Когда я отправился к Володьке и Славе... Должен отметить: с Владимиром мы дружили еще со школы. Он открыл мне дверь, всем своим видом демонстрируя желание поскорее избавиться от непрошеного гостя. Знаете, меня поразил его взгляд, взгляд затравленного кролика. Не поздоровавшись, бывший приятель спросил:

«Что тебе нужно?»

Я оторопел и несколько секунд не мог вымолвить ни слова. Потом, придя в себя, принялся объяснять, что хочу реабилитироваться, рассчитываю на его помощь. Он замахал руками.

«Пусть все останется на твоей совести».

Признаться, я не узнавал старого друга. Его лицо побелело от ужаса. Такого не случилось и в войну, когда смерть подступала совсем близко.

«Григорий, прошу тебя, уйди, – еле выдавил он. – И забудь

ко мне дорогу».

Я вздохнул:

«Значит, мы больше не друзья?»

Он силой выпроводил меня за дверь.

«Понимай, как считаешь нужным».

То же самое постигло меня и с Татьяной. Слава гостил в Симферополе у родственников, и я в принципе собирался и к нему, но после разговора с бывшей одноклассницей и соратницей схватило сердце. Я понял: третьего подобного свидания просто не переживу.

– И вы не попытались больше встретиться с ними и выяснить, чем вызвано такое отношение к вам? – спросил я.

– Естественно, я звонил им, – раздраженно заметил старик. – Но они не хотят со мной общаться.

– Позвоните еще раз, – посоветовал я, – предупредите, что расследованием займется независимый журналист. Может быть, узнав, что вы решили до конца защищать свое доброе имя, ваши товарищи осознают свою неправоту?

Он кивнул:

– Попробовать стоит.

Я настаивал:

– Позвоните при мне.

Старик покорно снял трубку, и через две минуты послышался его взволнованный голос:

– Это я, Владимир. Нет, будь добр, выслушай. Скоро к тебе придет журналист приреченской газеты. Он поможет

восстановить справедливость. Что? – Григорий Иванович беспомощно развел руками. – Повесил трубку. Сказал: когда восстановят, тогда и поговорим.

Меня это не смутило.

– Звоните Татьяне.

С ней повезло больше. Выслушав своего одноклассника, женщина заметила:

– Буду рада. Честно. Пусть приходит.

Я снова налил воды в стакан:

– Скажите, у вас никогда не возникала мысль, кто в действительности мог выдать вашу подпольную группу?

Прохоренко пожал плечами:

– В том-то и дело, что нет. Мы все проверены сотнями заданий.

– А с чего мне начать поиски Светланы?

Григорий Иванович с тоской посмотрел в окно:

– Не представляю, куда она делась и почему не пыталась встретиться с нами.

– Но она же не иголка в стогу сена! Зная имя, отчество, фамилию, хотя бы девичью, и год рождения, найти человека не так уж сложно. Постараюсь вам помочь.

Старческие фиолетовые губы задрожали, по морщинистым щекам покатались слезы. Я быстро отвернулся. Мне претит мысль общаться со стариками. Любому известно: пожилые люди страшно разговорчивы и чувствительны, да только в самый неподходящий момент забывают о том, что

собеседнику от них нужно. Я уже предвкушал подобные беседы с бывшими друзьями Прохоренко, но выхода не было.

«Передай это дело Зориной, и она быстро его раскрутит, – мысленно подбадривал я себя. – А тебе останутся жалобы на дорогие коммунальные услуги. Правильно говорится, кесарю – кесарево». Встав, я протянул Григорию Ивановичу визитку:

– Здесь все мои телефоны.

Он без эмоций отправил ее в широкий карман старых спортивных штанов.

– Когда вы планируете выехать в Крым?

Я замялся:

– Если наш главный не против, то завтра утром.

Его сморщенное лицо просияло:

– Вы уже уходите? Я еще не показал вам фотографии.

Я решил: это излишне. Его дорогие одноклассники наверняка доконают меня старинными альбомами.

– Извините. Мне пора. Нужно решить еще массу вопросов!

– Понимаю.

К его чести, старик не стал меня удерживать. Желание как можно скорее восстановить справедливость пересиливало остальные. Положив на мое плечо худую руку, он прошептал:

– Передайте им, что я люблю их и ни на что не обижаюсь. На этой горестной ноте мы распрощались.

Глава 2

Анатолий Николаевич Пенкин, наш главный редактор, выслушав меня, улыбнулся одними уголками губ:

– С чего это ты решил взять отпуск за свой счет?

– Очень надо!

Он повертел в длинных пальцах шариковую ручку:

– Понимаю, Никита, надоело копать в жалобах. Вижу, парень ты молодой, амбициозный. Наверняка есть веская причина. Далеко собрался?

– В Крым.

Редактор потер переносицу:

– Поезжай. Работы у нас сейчас мало.

Я просиял:

– Тогда бегу на вокзал.

– Подожди, – он серьезно посмотрел на меня. – Если учуял хороший материал, не забывай информировать. А если пахнет журналистским расследованием, посоветуйся с Зориной.

Я замотал головой:

– Как бы не так. Чтобы она играла первую скрипку?

Ему это не понравилось.

– Катерина не такая. Кстати, она не ищет сюжеты для своих книг в редакции.

Меня это не успокоило.

– Зато продемонстрировала нам, как стать известной.

Обязательно женюсь на оперативнице.

С этими словами я откланялся. Пенкин не стал меня удерживать.

Утром скорый Москва – Симферополь уносил меня в далекий Крым. По мере приближения к солнечному полуострову в вагонах становилось все жарче и жарче. Разгоряченные проводницы носились по тамбуру, предлагая чай. Находились охотники, с удовольствием глотавшие его целыми стаканами. Я не относился к их числу. Забравшись на верхнюю полку, читал газеты и журналы, которые приобрел на вокзале. Толстая соседка средних лет, сначала попытавшаяся разговорить меня, вскоре поняла бесплодность своих попыток и обиженно умолкла. Мне только этого и надо было. Я знал по опыту: таким дамочкам только дай волю – и они будут трещать всю дорогу, не приходя в сознание, о детях, о родителях и даже о домашних животных, которых не выносит кто-то, живущий в одном с ней подъезде. Мне же хотелось остаться наедине с собой.

Симферополь встретил меня пятидесятиградусной жарой и полным отсутствием намека на порывы живительного ветерка. На мое счастье, автовокзал находился всего в трех шагах от железнодорожного, серого, маленького. На фоне огромного «Макдоналдса» автобусов было почти не видно. Несмотря на толпы разомлевшего от солнца злого народа, мне удалось взять билеты до Южноморска. От столицы Кры-

ма до нужного мне городка меня домчали за два часа. Автобус остановился на маленькой пыльной станции, и я, забрав багаж, отправился на стоянку такси. Шустрые водители машин всех мастей наперебой предлагали свои услуги. Я распахнул дверь старой, выдавшей вида «шестерки», небрежно кивнул водителю:

– В гостиницу, расположенную в центре.

Смуглый черноволосый парень уставился на меня:

– Есть частные отельчики на берегу моря.

– Мне надо в центр.

– Слушаюсь, командир. – Сдвинув на лоб кожаную кепку, водитель нажал на газ, и машина понеслась на всех парах. Быстрая езда удивила меня. Я не обещал щедрых чаевых за доставку в срок, вообще ни словом не обмолвился о времени. Следовательно, подражание Шумахеру, стоившее нескольких неприятных минут, похоже, было его фирменным знаком. Несколько раз мне казалось, что мы слетим в кювет, и я хватался за сиденье. На лице шофера не отражалось никаких эмоций. В мгновение ока он доставил меня к пятиэтажному зданию с неоновой вывеской «Гостиница «Морская».

– Сколько я вам должен?

Названная цена не была непомерной для Приреченска, и я расплатился, заметив у парня легкую ухмылку на потрескавшихся губах. Вероятно, те, кто не торговался, не вызывали у камикадзе уважения. Открыв обшарпанную входную дверь

гостиницы, я прошел в вестибюль, пахнувший мастикой для полов. За конторкой сидела пухлая блондинка неопределенного возраста. На пышной груди красовался бейджик «Столетова Евгения Павловна».

– Вы хотите у нас поселиться? – дежурная улыбка продемонстрировала все тридцать два зуба, добрая половина которых была оправлена в золото.

– Вы против? – парировал я.

Она расхохоталась:

– Заполняйте анкету.

Еще в поезде я продумал, за кого стану себя выдавать. Извещать встречных и поперечных о своей настоящей профессии, разумеется, не стоило. Именно поэтому в нужной графе я старательно записал: «Менеджер по туризму». Это не могло не понравиться Евгении Павловне.

– Туризм – это хорошо, – задумчиво проговорила она. – Вероятно, вашими стараниями наш отель всегда будет полон. Вам одноместный?

Денег у меня было достаточно: все же я человек холостой, к одежде и развлечениям равнодушный. Да и подругой как-то еще не обзавелся, поэтому решил не скупиться:

– Одноместный. С видом на город.

Ее нарисованные брови поползли вверх, как дождевые черви из консервной банки.

– Побаловать красотами не можем, если вы на это рассчитываете. Стоим не в том месте.

Я поспешил ее успокоить:

– Для меня это не главное.

– Тогда возьмите 517-й.

В небольшой комнате с затхлым воздухом и заляпаннми чем-то жирным обоями не было ни кондиционера, ни бара, услужливо наполненного прохладительными напитками. Телевизор, естественно, не работал. Не помогло и то, что я как следует треснул по пластиковому боку. Значки на краях претенциозно заявляли о наличии как холодной, так и горячей воды, однако из обоих текла не просто холодная, а ледяная. Вероятно, трубопровод брал воду из горной речки и был напрямую подключен к гостинице. Начальство по-своему понимало слово «оздоровление». Разгоряченный жарой, я с некоторой опаской подставил тело под обжигающие струи, но они, надо заметить, меня освежили и взбодрили. Чистая рубашка заставила почувствовать себя человеком. Теперь предстояло ознакомиться с городом. Настоящий турагент обязательно возьмет машину напрокат. Так я и поступил. Единственное в городе агентство предоставляло клиентам такие потрепанные авто, что я расстроился. Впрочем, возможно, владельца сбил с толку мой нереспектабельный вид. Мужик решил: с меня достаточно и «двушки» года выпуска этак восьмидесятого. Зато цена показалась мне непомерной.

– Жара, наверное, свела меня с ума, – поделился я с владельцем или работником (во всяком случае, кроме нас дво-

их, поблизости никого не было). Он усмехнулся, взъерошив рыжие волосы:

– Че не так?

– Если это «Кадиллак», – я пнул по колесу машины, – то я снежный человек.

Улыбка стала еще шире. Он не повел и бровью.

– Не нравится – найду другого.

– Что-то я не вижу очереди.

Парень махнул рукой:

– Это мое дело. Забирай колымагу и уматывай, пока я не дал тебе пинка. Бродяге твоего типа солидные тачки не по карману.

Я спросил как можно вежливее:

– А вы такие имеете?

Грациозной походкой медведя он пошел на меня.

– Ну, ты...

Я решил стоять на своем.

– Вот моя цена за три дня. – Я вытащил из кармана три мятых бумажки и помахал перед веснушчатым лицом. – Не согласен – расстаемся с миром.

Рыжий поднял глаза к небу, вероятно, подсчитывая прибыль:

– Черт с тобой. Забирай.

– То-то, командир.

Он сплюнул на горячий песок:

– Только не забудь вернуть в срок.

Машина оказалась на удивление юркой. Поднимая уличную пыль, я несколько часов колесил по городу, неплохо изучив его. Разумеется, с Приреченском Южноморск не шел ни в какое сравнение, хотя и от своего родного городишки я никогда не был в восторге. Наверное, мало кто понимал, почему вообще Южноморск считали городом. Здания выше одного этажа, горделиво украшавшие центр, можно было пересчитать по пальцам. Немногочисленные широкие мостовые плавно перетекали в частный сектор, составлявший, пожалуй, большую часть Южноморска. Правда, при выезде за город открывались такие живописные виды, что захватывало дух. Мелкая блестящая галька манила расстелить полотенце, а чистая голубая вода звала окунуться. Недолго думая, я так и сделал. Августовское море приятно ласкало тело, пока я преодолевал расстояние до буйка. Пляж поражал безлюдьем. Аншлага не наблюдалось. Наверное, летние гости постепенно разъезжались. Вытащив из сумки мобильный, я сделал несколько снимков, надеясь, что потом, в ненастные осенние дни, они согреют мне душу. Отряхнув подстилку, я направился к машине. Чей-то пристальный взгляд я почувствовал, когда поднимался по выдолбленным в скале ступенькам. Оглянувшись, не увидел ничего подозрительного. Семейная пара – явно не молодожены – подставляла солнцу и без того темно-коричневые лица. Пацаны лет пятнадцати резвились в море, показывая искусство опытных ныряльщиков. Кто же в таком случае глядел мне в спину? Или все дело

в палящем солнце? Отогнав мрачные мысли, я взглянул на часы. Следовало навестить Владимира Егоровича Короткова.

Ветеран войны, подполковник в отставке, жил в двухэтажном доме на Тополиной улице. Высокие стройные каштаны почти скрывали старинный особнячок. Я поднял глаза. Чья-то тень мелькнула в окне второго этажа и сразу скрылась за красными портьерами. По всему видно: меня уже поджидали.

Глава 3

Владимир Егорович Коротков, плотненький старичок небольшого роста с нависшими над глазами седыми бровями, чем-то напоминавший доброго гнома, сначала принял меня любезно.

– Это вы корреспондент? – он улыбнулся, обнажив остатки зубов. – Пожалуйста, проходите. Только не пугайтесь: с тех пор, как умерла жена, я не особенно убираю в квартире.

Тут он не обманул. Едкая пыль, смешанная с песком, так и лезла в нос. В горле запершило. Я сдерживался, чтобы не дать волю кашлю. От самого старика исходил неприятный кислый запах невымытого тела.

На кухню хозяин меня не повел, чему я был несказанно рад: она наверняка кишела тараканами. Открыв окно, за что я тоже мысленно сказал ему спасибо, усадил меня на стул, примостившись на диване с полинявшей обивкой.

– Дочь давно уже не приезжала, – как бы оправдываясь, он развел руками. – А мне многое не под силу. Да и что я могу позволить себе на грошовую пенсию?

Я согласился. Коротков, почмокав губами, продолжал:

– Так вы насчет Гришки Прохоренко? По-моему, не о чем говорить – все и так предельно ясно.

Мой рот открылся в виде большой буквы «о».

– Я думал, вы его друг.

– Был. А как бы вы отнеслись к человеку, который предал ваших товарищей?

– И кто-то располагает вескими доказательствами?

Он скривил рот.

– К сожалению, многие доказательства уничтожила война.

Я кивнул, добавив:

– Как против него, так и в его пользу, я думаю.

Это ему не понравилось. Скривившись, он взял одну из газет, лежавшую на белом от пыли столе.

– Вот, почитайте.

Превозмогая отвращение от сальных пятен, я поднес ее к глазам. По-видимому, именно здесь ушлый журналист разнес Прохоренко в пух и прах. Статья оказалась не такой огромной, как я думал. В принципе я и не узнал ничего нового: Григорий Иванович довольно подробно изложил мне содержание. Я швырнул газету на диван:

– Кто такой Б. Игнатьев?

Коротков засуетился:

– Какая разница? Ему следовало сказать спасибо.

– Вы уверены?

Ветеран побагровел.

– Я...

– Ладно, ладно, – я вовсе не желал душещипательных сцен. – Так вы не знаете, кто он?

Подполковник взял себя в руки:

– Человек старался, проводил расследование...

Меня начинал раздражать его скрипучий голос.

– Вы встречались с ним?

Владимир Егорович опустил глаза:

– Нет, но это не имеет значения.

Я присвистнул:

– Откуда же он черпал информацию? Где раскопал сенсационные факты?

– В музее героев-подпольщиков можно многое найти, – просипел старик.

Я с трудом улыбнулся:

– Значит, любой падкий на сенсации проходимец может писать о ваших друзьях что угодно, а вы будете спокойно принимать все за чистую монету, не пытаясь защищать их и не оставив такого права за товарищами?

Поистине позиция хозяина была удивительной.

Теперь сморщенная смугловатая кожа побелела.

– А если Игнатьев меня убедил?

– Интересно, чем? – Я опять взял в руки газету. – Разве он упоминает о каком-нибудь мало-мальски стоящем свидетеле? Впрочем, – я холодно посмотрел прямо в выцветшие голубые глаза, – вы-то сами почему остались живы? Ваше алиби и ваши объяснения, по сути, ничем не подтверждены, равно как и алиби ваших друзей.

Его руки, покрытые старческими коричневыми пятнами, затряслись.

– Какое вы имеете право!

– Имею! – зло выкрикнул я. – Мне непонятно лишь одно: почему Игнатьев сделал козлом отпущения именно Прохоренко. Но я докопаюсь до истины.

Лицо собеседника до такой степени побледнело, что я стал опасаться за физическое состояние подполковника.

– Может быть, есть какие-то другие свидетели, которых мой коллега не упомянул из этических соображений? Тогда следует отыскать и их.

Старик тревожно выпрямился, но в ту же секунду схватился за сердце, резко пошатнувшись. На его счастье, я оказался рядом и вовремя подхватил обмякшее тело. В устремленных на меня глазах я увидел явный страх.

– Вам лучше вернуться в Приреченск, – прошептал он прерывисто. – Бросьте это дело. Прошу вас. Это не кончится добром.

– А ваш друг Прохоренко так и будет жить с клеймом предателя, – констатировал я.

Он судорожно глотнул ртом воздух.

– Сколько нам всем осталось?

– Почему в таком случае вам не взять все на себя? – усмехнулся я. – Может быть, вы умрете раньше своего товарища по подполью.

Мое изречение ему не понравилось.

– Кроме того, – продолжил я, – у каждого из вас есть дети и внуки. Разве вам безразлично их будущее?

– Бросьте это дело, – упрямо повторил Коротков.

Я скривился, как от зубной боли:

– Это все, что вы можете посоветовать?

Он отвел взгляд.

– Кстати, как мне отыскать Светлану?

– Не знаю, – он был рад сменить тему. – Григорий рассказывал, как встретил ее в Кенигсберге. Больше о ней никто не слышал.

– А вы не пытались ее разыскать? Обычно фронтовики обращаются во все передачи, которые могут им помочь. Когда товарищей по общему делу остается мало, они пытаются сплотиться и поддерживать друг друга, разве нет?

Старик покачал головой:

– Мы даже не знали, с чего начать.

– Не знали или не хотели знать?

Его высохшая рука потянулась к стоявшей у двери палке:

– Немедленно покиньте мой дом! И чтоб я вас больше не видел!

Я не возражал: ветеран не вызывал симпатий. Но на прощание все-таки бросил:

– Вы спокойно спите по ночам?

В ответ раздалось нечленораздельное проклятие. Только очутившись на улице и глядя на синюю гладь, успокаивавшую глаза и нервы, я понял: запах в квартире Короткова – запах страха.

Глава 4

Татьяна Павловна жила на улице Гоголя. Это название никак не подходило грязной, пыльной, узкой улочке, сдавленной лепившимися вдоль обочины хибарками. Новые русские явно невзлюбили этот район. Во всяком случае, я не заметил ни одного особняка. Старушка оказалась дома, однако дальше прихожей меня не впустила.

– Я уже сказала все, что знала, – вытирая руки передником не первой свежести, поведала женщина. – Больше мне нечего добавить.

– Разговор в коридоре не рождает доверия, – вставил я.

Она пожала плечами:

– О каком доверии идет речь? Я не собираюсь исповедоваться.

– Но вы согласны с тем, что написано в статье?

Она отвернулась:

– У меня нет причин не соглашаться.

Я вспомнил: по телефону старушка разговаривала совсем по-другому. Что же произошло за столь короткий промежуток времени? В широко раскрытых глазах бывшей подпольщицы таился испуг.

– Что вам сказал Владимир? – быстро спросила она.

– Ничего особенного.

– Если он не приказал: уезжайте – то это сделаю я, – тихо

молвила старушка. – Давайте оставим все как есть. Неужели вам охота ворошить грязное белье?

– С каких пор истина и справедливость стали грязным бельем?

Повернувшись к ней спиной, я хотел совершить обманное движение и попытаться проникнуть в комнату, но старушка меня раскусила. Пожилая женщина оказалась на удивление сильной, к тому же я не ожидал мощного толчка в грудь. Какие-то доли секунды – и я вновь очутился под палящим солнцем. Тяжелая дверь захлопнулась с сильным грохотом. Мне ничего не оставалось, как направиться к верному другу – «жигуленку». Возле машины, тоскливо переминаясь с ноги на ногу, курил молодой страж порядка. По всей видимости, он поджидал меня.

– Слушаю вас.

Он взял под козырек:

– Ваши документы.

– А в чем, собственно, дело? Не там припарковался?

Для очистки совести я огляделся по сторонам. Возле соседних домов также стояли машины, но они его явно не интересовали. Я протянул паспорт.

– Сегодня угнали такую же машину, – радостно сообщил мне милиционер. – Вам придется проехать в отделение.

Я выпучил глаза:

– Вы подозреваете меня?

Парень хихикнул:

– Подозреть – моя работа. Именно за нее мне платят деньги.

На это нечего было возразить. Пришлось повинаться.

В маленьком отделении, давно не знавшем ремонта, похожий на пигмея капитан, который, судя по возрасту, уже должен бы побывать майором и, возможно, даже подполковником, недоброжелательно скопил на меня желтые, как у кота, глаза.

– Вы журналист?

– Так точно, – отчеканил я. Скрывать правду от милиции не входило в мои планы.

– Что привело вас в наш город?

Это было уже чересчур. Насколько я помню, никто не обращался ко мне с таким дурацким вопросом. Я скривился:

– Не знал, что для отдыха требуется особое разрешение.

Он прищурился:

– У нас не любят чужих ищеек.

Я расхохотался:

– То есть вы хотите оставаться вне конкуренции?

Мужик сплюнул на грязный пол.

– Заводи свою колымагу – поедем в городское управление.

Пусть там определяют, что с тобой делать.

Городское УВД находилось в месте, более пригодном для смотровой площадки. Небольшой двухэтажный коттеджик лепился на верху холма, позволяя оперативникам каждую

минуту радовать глаз голубизной открытого моря. Запах кипариса, можжевельника и еще какие-то непонятные мне ароматы приводили в блаженное состояние. Сразу захотелось бросить все к чертовой бабушке, укрыться в спасительную тень акации и заснуть крепким сном. Я непременно так бы и сделал, но бдительный страж порядка постоянно дышал мне в затылок.

– Иди, иди, нечего глазеть.

Начальник УВД, подполковник Геннадий Николаевич Лепко (должность и имя-отчество с фамилией он прямо-таки выплюнул мне в лицо), толстый, похожий на раскормленного борова, с мокрыми от пота рыжими волосенками, сразу, как говорится, взял быка за рога.

– Ты что здесь вынюхиваешь?

Я соорудил огорченную мину:

– Насколько мне известно, мы с вами на брудершафт не пили, и тыкать мне не нужно.

Он открыл рот, как сазан, уже изрядно полежавший на солнце. Мысль о том, что какой-то писака осмеливается показывать зубы, была ему явно неприятна.

– Не забывайся! – от собачьего рыка любому стало бы не по себе. – Говори, что вынюхиваешь?

– Здесь, – я нагло обвел глазами комнату с претензией на евроремонт, – ничего. Ваш верный раб напрасно приволок меня сюда.

Лепко нахохлился, как попугай:

– Чтобы завтра тебя тут не было.

Я решил уладить дело миром, рассказав об истинной цели моего приезда и поведав о злополучной статье и письме Прохоренко в редакцию. Чистосердечное признание не облегчило мою участь. Подполковник залез пятерней в остатки волос.

– Игнатьева я знаю, – пробурчал он. – Между прочим, хороший журналист. Раз написано, следовательно, так все и было.

– Григорий Иванович утверждает обратное, – вставил я.

Толстяк усмехнулся:

– Засуетился, когда правда-то выплыла. Ясное дело, кому охота быть предателем.

– Но почему он должен быть им? – я вложил в свой вопрос как можно больше изумления. – Если бы я увиделся с Игнатьевым, я бы задал ему море вопросов. Статья меня не убедила. И вообще, на каких документах он основывался? Насколько мне известно, свидетелей не осталось.

Подполковник встал, и я понял: разговор окончен.

– В отличие от тебя, мы его поклонники, – доверительно сообщил он мне. – Так что можешь сваливать с чистой совестью. Передай старому хрычу Прохоренко, что я не собираюсь заводить на него дело.

– А его дети, внуки?

Он облизал толстые губы:

– Я, знаешь, не «Инкомбанк», чтобы вещать на каждом

углу: «Ваши заботы – наши проблемы». О молодом поколении нужно было раньше думать.

Я заартачился:

– А если это все же не он?

Лепко, взяв меня за локоть, подтолкнул к выходу:

– Он, больше некому. И заруби себе это на носу, пока его не сломали. В нашем городе не любят, когда кто-то сует нос в чужие дела. Короче, – он шумно вздохнул, – я тебя предупредил. Решись задержаться – пеняй на себя.

Быстрый удар в челюсть отбросил меня к стене. Я даже не успел среагировать. Били мои противники профессионально, и любой счел бы правильным не связываться с ними. Тем не менее отступать я не собирался и, потирая ушибленную челюсть, жалобно проскулил:

– И все-таки мне надо что-то написать. Этим делом заинтересовался главный редактор. Если я ничего не привезу, он пошлет другого или приедет сам.

Оперативники переглянулись. По всему было видно, такая перспектива им не понравилась. После недолгого молчания, утерев пот со лба, Лепко выдавил:

– Сейчас я сделаю звонок в музей героев-подпольщиков. Кроме экспонатов, там имеются копии архивных документов. Вот и используй их в своем творчестве. – Подполковник вдруг широко улыбнулся, но я не расслабился. Его улыбка напоминала оскал доисторического чудовища.

– Прощай, – он похлопал меня по плечу кулачищами-ку-

валдами. – Именно прощай, понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.